

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

О.Ю. Цендровский

ОБРАЗЫ НОВОГО НАЧАЛА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ФИЛОСОФИИ НИЦШЕ

Аннотация. В статье социально-политическая мысль Ф. Ницше, предложенная им глубокая реформа культуры и общества подвергается тщательному разбору и переосмыслению. В первой половине работы выявляется теоретическая база проекта по построению общества Нового Начала и прослеживается его строгая генетическая связь с метафизикой, философией истории, этикой и антропологией мыслителя. Вторая часть статьи посвящена реконструкции идеального государства Ницше и подробному изложению и анализу его ключевых принципов. Наконец, в заключении описывается ницшевский образ будущего и его альтернативных сценариев. Названная тема, вопреки научной традиции ницшеведения, исследуется с систематических позиций. Это позволяет ликвидировать пробелы, существующие почти во всех исследованиях в данной области: называя политическое мышление Ницше «наивным», непоследовательным и отрывочным, они не предпринимают попытки реконструировать социально-политический идеал философа, ограничиваясь сбивчивым перечислением его мнений по разным околополитическим вопросам.

Основной вывод статьи состоит в том, что Ницше всё же имел чёткое представление об обществе Нового Начала, а её базовые тезисы таковы: ницшевское государство 1) обладает иерархической сословной структурой и свободной взаимобратной вертикальной мобильностью между сословиями; 2) характеризуется отсутствием сословно-классовых антагонизмов; 3) является полиэтническим и чуждо дискриминации; 4) ставит экономику и политику в подчинение сфере культуры и задаётся целью создать новый, сверхчеловеческий вид средствами евгеники, воспитания и образования; 5) является мультикультурным и плюралистическим; 6) глобально по своим устремлениям.

Ключевые слова: Ницше, Новое Начало, нигилизм, переоценка ценностей, преодоление нигилизма, политическая философия, этика, философы будущего, сверхчеловек, Новое время.

Abstract. Nietzsche's socio-political thought and proposed by him all-encompassing reformation of culture and society is subjected to a thorough examination and reframing. In the first part of the article, the author determines a theoretical base of the project of structuring a new society of New Beginning and follows its strict genetic link with the metaphysics, philosophy, history, ethics, and anthropology of the thinker. The second part is dedicated to the reconstruction of Nietzsche's ideal state and detailed narration and analysis of his core principles. In the conclusion, Nietzsche's image of the future and its alternative scenarios is being described. The topic of the article despite the scientific traditions of Nietzsche studies is being examined from the systematic positions. It allows eliminating the gaps that exist almost in all of the researches in this area: calling Nietzsche's political thoughts "naïve", fragmentary, and inconsequent, they do not attempt to reconstruct the socio-political ideal of the philosopher, rather list his opinions on various near-political issues. The main conclusion consists in the fact that Nietzsche definitely had a vivid idea about the society of the New Beginning, with the following key theses: Nietzsche's state possesses a hierarchical social structure and free mutually-opposite vertical mobility between social categories; is polytechnic with no discrimination; is multicultural and pluralistic; is global in its aspirations, etc.

Key words: political philosophy, overcoming nihilism, reassessment of values, nihilism, New Beginning, Nietzsche, ethics, philosophers of the future, overman, modernity.

Политическое измерение философии Ницше с момента её возникновения и поныне является самой горячо обсуждаемой и привлекающей к себе внимание компонентой его учения. В то же самое время именно эта

сторона ницшевской мысли подвергается наиболее значительным искажениям. Наследие Ницше, радикального анти-антисемита и антихристианина, использовали и используют антисемиты и христиане, консерваторы и модернизаторы, правые и

левые, демократы, либералы, национал-социалисты и коммунисты. Этот список можно продолжать сколь угодно долго, и трудно будет найти другого мыслителя, который бы столько «ходил по рукам». С одной стороны, данное обстоятельство объясняется обманчивой простотой языка Ницше, создающего иллюзию лёгкой доступности его идей, и афористической структурой концепции философа, склоняющей к вырыванию мыслей из контекста. С другой – агрессивностью политического мышления, склонного к присвоению и идеологизации философских доктрин.

Природа этого процесса понятна: учение философа разбирается на кирпичики, после чего каждый лагерь берёт себе те, которые вписываются в план его собственных построений. Это в порядке вещей и отражает естественную динамику развития культуры. Следует, однако, остерегаться по итогам такого ангажированного присвоения как делать выводы о принадлежности мыслителя к той или другой партии, так и пренебрегать попыткой выявить собственное содержание его концепции.

Даже в тех случаях, когда пишущий о Ницше автор не смещает акценты и занимает взвешенную позицию, обычно проявляют себя два других изъяна, присущих и работам наиболее тонких интерпретаторов. Первый из них характерен для основной массы трудов по данной теме, в том числе прославленных (К. Ясперс, В. Кауфман, Ф.Г. Юнгер, О. Финк, П. Клоссовски). Предполагаемое изложение и анализ с первых же шагов скатываются в довольно сухое и плохо структурированное перечисление «мнений» Ницше на тот или иной счёт, обычно в хронологической последовательности, связи же между этими «мнениями», их основания остаются по большей части совершенно неясными. Конкретное не выводится из общего, этика, антропология, философия истории, политика и метафизика вырываются с корнями и демонстрируются либо обособленно, либо между ними прослеживаются самые грубые и очевидные стыки. В результате мы имеем дело с довольно сбивчивым перечнем, а учение мыслителя намеренно или ненамеренно преподносится как безосновательное, рассогласованное, произвольное – особенно в этом преуспел Ясперс.

Именно такие авторы склонны оценивать социально-политическое наследие Ницше со снисходительной поспешностью, деактуализировать его и вешать на него поверхностные, ничего толком не объясняющие ярлыки. Д. Конвэй, разбирая пред-рассудки, сформировавшиеся по поводу политической философии Ницше, указывает на их лейтмотив: «Вариации на общую тему неудавшегося

волютаризма могут быть найдены практически во всех влиятельных исследованиях политического мышления Ницше, включая предложенные Арндт, Кауфманом, Стронгом, Макинтайром, Яком, Шуттом, Уорреном, Ваттимо, Хабермасом, Детвайлером, Анселл-Пирсоном и Берковицем. Во всех этих трудах Ницше сперва превозносится как проницательный критик политической жизни Нового времени только для того, чтобы в конце концов быть отвергнутым в качестве наивного волютариста» [1, с. 116].

Второй недостаток свойственен сочинениям оригинальных мыслителей, которые в разной, но существенной мере не только изолируют от контекста интересные им вопросы философии Ницше, но и раскрывают их весьма неполно, избирательно по той причине, что привлекаются лишь аспекты, нужные для иллюстрации и подкрепления определённой точки зрения (М. Хайдеггер, Ж. Батай, К. Лёвит, Ж. Делёз, М. Фуко, Ж. Деррида). Их ценность для глубокого постижения ницшевской проблематики очень велика, но ни одна из их работ не позволяет читателю сформировать цельную и последовательную картину разбираемой нами темы – как правило, она даже не затрагивается.

В настоящей статье мы предпримем попытку представить поэтапную систематическую реконструкцию социально-политического идеала Ницше и продемонстрировать, как далека она от наивности и поверхностности.

1

В основе ницшевского мировоззрения ещё задолго до оформления его в философскую систему лежала интуиция, что всё сущее, равно живое и неживое, подчинено единому принципу развития, расширения, неограниченной экспансии. В 1877 г. для его обозначения Ницше сформулировал понятие воли к власти, содержание которого до той поры пребывало под влиянием шопенгауэровской концепции или было недостаточно артикулировано, но всё же красной нитью проходило через весь первый период философского творчества мыслителя [2, т. 8, с. 476]. Найденный термин претерпевал долгое и интенсивное развитие вплоть до середины 1880-х гг., когда он окончательно стал обозначать всеобъемлющий метафизический принцип, согласно которому всякое простое сущее, всякая органическая или неорганическая система оказывает постоянное давление на окружающий мир с целью расширения своего «жизненного пространства» и формовки, упорядочения сущего по своему закону. Всё учение Ницше, каждый фрагмент его текстов подведен под этот основополагающий концепт, который стано-

вится, с одной стороны, методологией, ракурсом рассмотрения любого феномена, а с другой – системообразующим фундаментом.

В воле к власти Ницше различал две пары режимов функционирования, описывающих, соответственно, направленность и способ её самореализации: утверждение – отрицание, активность – реактивность [2, т. 13, с. 477; 2, т. 12, с. 468]. В режиме утверждения воля к власти творит новые структуры, в режиме отрицания – разрушает, сметает препятствия. Активная воля к власти осуществляет себя свободно, полноценно, до своих пределов, самореализация реактивной воли к власти ограничена, опассивлена, подавлена другой силой. Только гармоничная, уравновешенная работа этих начал (доминирование утверждения и активности) означает здоровое самоосуществление воли к власти, однако в человеческой культуре и отдельной личности этот баланс, как правило, сильно нарушен. Это стало основополагающим открытием Ницше, отправной точкой его философского мышления.

Проанализировав человеческую, в первую очередь западноевропейскую, историю с этих позиций, философ квалифицировал её как катастрофический процесс отхода вышедшего из царства природы человека от своего природного истока и патологического возобладания режимов отрицания и реактивности. Ницше называет этот феномен «нигилизмом» и делает фокусом своего наследия [2, т. 13, с. 477]. Таким образом, всё философское творчество Ницше строится на одном фундаментальном концепте, ракурсе рассмотрения предметов – инстанции воли к власти. Проблема, которая решается в его мышлении, также всего одна – это проблема нигилизма, проблема составления подробной клинической картины болезни и подбора наиболее эффективных средств, дабы излечить человеческий род от «бациллы нигилизма», вернуть его развитие на естественные, природные рельсы.

Решительное начало нигилизму было положено Платоном, который денатурировал мораль, впервые в западноевропейской истории создав систематическую нигилистическую идеологию, отрицающую посястороннее, всё позитивное и естественное (тело, богатство, власть, изучение окружающего мира и пр.) во имя сверхъестественных фикций, голых понятий. Ценность поступка стала определяться не исходя из его способности к возвышению жизни, умножению власти индивида и развитию социума, а исходя из его воображаемых, сверхъестественных последствий. Источник добра, красоты, блага, справедливости, всего положительного был перемещён «по ту сторону»,

мир был обобран и опорочен, изображен сперва тенью «истинного мира», а последующими идеологиями – темницей или грязным коридором, ведущим праведников ко вратам подлинного существования.

Все последующие доминирующие учения и общественные модели Запада, в первую очередь христианство (но также новоевропейские социализм, капиталистическая демократия, анархизм), являлись вульгаризированным и доработанным платонизмом, сохраняя этот принцип отрицательности, принцип «преобладания Нет над Да» [2, т. 13, с. 84]. В то же время можно проследить тенденцию, по которой отрицательная компонента идеологий постепенно сходилась на нет (Новое время), а реактивная, напротив, уже с эпохи эллинизма набирала мощь. Эллинистические учения призывали индивида замкнуться в себе, искать источник счастья в невозмутимости и нравственном совершенстве, отказаться от мирских целей и благ. Христианство довело этот идеал нищеты (как духовной, так и материальной) до последних пределов. Власть, богатство, красота, половой инстинкт, тело, здоровье, знание и талант, вообще всё активное, деятельное, «накопительное» было подвергнуто хуле и вытеснению. Отказ от действий, могущих принести пользу, знание, власть в этом мире, а не в мире «истинном», означал небывалое торжество реактивных умонастроений.

Словом, история Запада есть история прогрессирующего нигилизма, движущаяся хотя и с многообещающими попытками ремиссий (например, Возрождение), но всё равно неуклонно ведущая к самоуничтожению человечества контрпродуктивными режимами воли к власти. Ницше детально и глубоко исследует каждый этап названного процесса и изучает ключевые фигуры западной истории вплоть до современной ему эпохи, особенно интересующей нас в данной работе. Её он определяет как переломную сразу по нескольким причинам.

Прежде всего, в XVIII-XIX вв. под давлением внутренних противоречий происходил коллапс нигилистической, христианской морали с доминирующим отрицательным элементом. Начало этому было положено ещё в эпоху Реформации: с тех пор посястороннее всё менее и менее охотно отвергается, обозначилась тенденция к приятию «мира». С другой стороны, правдивость, воспитываемая христианской и идеалистической вообще системой ценностей, накинула удавку им на шею, поскольку по мере развития научного знания и критического образа мысли их оторванность от реального опыта становится всё очевиднее. Таким образом, «само-

убийство морали, – пишет Ницше, – есть её последнее моральное требование!» [2, т. 9, с. 593].

Это, конечно, не уничтожило трансцендентно-ориентированную мораль, но её жизнеспособность и место в системе общественной практики были ограничены до критических пределов. Подрыв идеалистического образа мысли, отрицающего нигилизм, мог быть осуществлён либо позитивными режимами воли к власти, либо реактивностью. Понятно, что произошло последнее, и Ницше даёт ёмкую формулировку победе реактивного человека над человеком отрицающим в известных словах: «Бог мёртв». Это подтверждает Жиль Делёз в своём талантливом и, что важно, довольно систематическом исследовании ницшевской мысли: «убийцей Бога является реактивный человек», «реактивная жизнь разрывает союз с негативной волей, она хочет царствовать единолично» [3, с. 301, с. 298]. Человек слишком устал от той активности, что ещё была в его отрицании, от налагаемых им ограничений и обязанностей, Бог стал ему в тягость – и он убил его. Теперь «он ставит себя на место Бога: он больше не ведает ценностей, превосходящих жизнь, но он знает лишь реактивную жизнь, которая довольствуется собой и притязает на эманацию собственных ценностей» [3, с. 300]. На наш взгляд, точно и ёмко сущность реактивного («потребительского») элемента новоевропейской морали раскрыл проницательный критик её современного состояния Славой Жижек: «Господствующую сегодня идеологию я бы назвал гедонистическим цинизмом. И её сущность проста: не верьте в великие идеи, наслаждайтесь жизнью, будьте внимательны к себе. Жизнь при этом – это ваши собственные удовольствия, деньги, сила, предпочтения» [4].

Эпоха Ницше носила переломный характер ещё и потому, что закат отрицающего нигилизма с последующей заменой потусторонних ценностей посюсторонним и, как мы знаем теперь, ещё только зарождающимся гедонистическим цинизмом привели к кризису беспочвенности. Известный диагноз, который был поставлен XX и затем XXI в., сводится к констатации ценностного вакуума или, во всяком случае, неосновательности новых ориентиров, которые более не дают конечному индивиду надежды на связь с вневременным, вообще какого бы то ни было связного и удовлетворительного представления о месте и роли человека в истории и мире. Вопросы «Зачем?», «Для чего?» являются, потому, центральными не только для Ницше, Хайдеггера, Достоевского, Толстого, Шестова, Франка, Дюркгейма, экзистенциалистов, Чорана, но почти для всех мыслителей, начиная с конца XIX в.

2

Наступило время великих экспериментов, и Ницше был одним из первых, кто взялся за основательное теоретическое решение проблемы заполнения образовавшегося вакуума и оздоровления исторического процесса. Он, как и Хайдеггер сорока годами позднее, и почти на тех же основаниях (возвращение к первоистоку), поднимает вопрос о Новом Начале, глубокой реформе культуры и общества, растянутой на столетия [2, т. 11, с. 168]. Начальный этап данного проекта известен нам под именем «переоценка ценностей».

Но какая сила может быть соразмерна этой истине титанической цели? Для ответа на данный вопрос Ницше обращается к единственному методу, который был в состоянии оказывать значительное и долгосрочное влияние на пути социального развития. Речь идёт о морали, понимаемой философом предельно широко. Именно она создала индивидуальные и общественные типы, поскольку всякая мораль содержит в себе идеализированные образы личности и модели социальных отношений. «Любая мораль, – подчёркивает он, – которая хоть как-то господствовала, всегда была дисциплиною и выведением определённого типа людей» [2, т. 12, с. 58]. До сих пор её потенциал расходовался главным образом деструктивно: выводился человек нигилистический, пестовалось поругание мира сего и поведенческие паттерны, подавляющие развитие жизни. Ни одна существовавшая система ценностей, таким образом, не отвечает требованиям натурализации морали.

Это касается и новоевропейских идеологий капиталистической либеральной демократии, социализма, анархизма. Несмотря на все различия, Ницше настаивает на их сущностном нигилистическом единстве в идеализации посредственного, реактивного человека (рядового гражданина, рабочего, свободного анархического индивида). Они отрицают природную иерархию, держатся на тезисе, что все люди обладают равными правами, что простые люди своим коллективным волеизъявлением должны уполномочить простого человека управлять обществом. Либерально-капиталистические демократии, социалистические проекты продолжают линию принципиально богословских ценностей, их веру в реактивного индивида. Их мирской, «естественный» идеал есть на деле замаскированное противоприродное и регрессивное явление.

Словом, дабы воплотить высшие возможности жизни, требуется кардинально иная этическая перспектива. Фокус её должен располагаться в посюстороннем мире не только на словах, но и на деле. Основные черты новой системы ценностей сфор-

мулированы Ницше в четырех идеалах: свободный ум, благородный человек, великий человек, сверхчеловек. Остановимся вкратце на каждом из них.

Образ свободного ума, хронологически первый в ряду идеалов, воплощает призыв к интеллектуальному отказу от нигилистических предпосылок. Свободный ум, выпестованный в «школе сомнения», подвергает ревизии всё, что доселе почиталось полезным и святым, и сверяет с принципом воли к власти. Он исследует методы и условия совершенствования человеческого вида, теоретически оформляя проект цивилизационной реформы.

Но почему так происходит, что одним удаётся освободить свой ум, более того, они кажутся призванными к этому изначально, другие же явно на это не способны? Почему вообще человек становится тем, кем становится? Названные проблемы осмысляются Ницше в рамках его концепции биологического детерминизма: «для всякого высшего света нужно быть рождённым; говоря яснее, нужно быть зачатым для него» [2, т. 5, с. 139]. Ум (сознательный аспект) может проявить свободу, лишь основываясь на соответствующем бессознательном базисе. Идеал последнего воплощен у Ницше в образе благородного человека. В ходе анализа, проведённого в другой работе, был сделан вывод, что благородство у Ницше есть не что иное, как природно обусловленное (сейчас мы бы выразились «генетически», и это предельно точно отражает позицию философа) доминирование режимов активности и утверждения в индивидуальной воли к власти, здоровье и доброкачественность фундамента личности, её предрасположений и задатков [5]. Эта сторона нашего «Я» неподвластна каким бы то ни было влияниям, однако бессознательный базис будущих поколений («тело», в терминологии Ницше) может быть сформирован целенаправленными усилиями. Именно по этой причине социальный проект Ницше, как мы увидим, имеет евгенические ориентиры, включает в себя использование методов искусственного отбора (договорные браки), тщательное соблюдение диетических и общемедицинских правил для совершенствования рода, ведь, согласно этой логике, требуется «сначала образовать высшее тело: образ мыслей потом найдётся» [2, т. 11, с. 226]. Душа, сознание, психика представляются философу блеклыми эпифеноменами бесконечно более сложного и важного физиологического уровня – от его «генетического» здоровья зависит и их функционирование [2, т. 13, с. 37].

Оба вышеназванных аспекта (свобода ума и благородство) до известной степени объединены в третьем ключевом идеале ницшевской философии

– великом человеке. И, разумеется, в нём есть некое важное «сверх того». Исторические и психологические изыскания заставляют Ницше прийти к заключению, что благородства и свободного ума ещё далеко не достаточно, чтобы воля к власти, творческая энергия индивида, осуществила себя. Благородство означает генетическую предрасположенность к активности и утверждению, богатство и разнообразие душевных сил. Свобода ума подразумевает интеллектуальный разрыв с нигилизмом, независимость, критичность, самостоятельность умственной деятельности, способность к самостоятельному синтезу, а не одному лишь мышлению по готовым схемам. Таким образом, мы имеем дело с преимущественно потенциальными началами и требуется нечто, что направит их на путь реализации. Для этого есть одно средство: достаточная мера гармонии и синергии в сфере бессознательного. Чтобы потенциальное стало актуальным, разносторонность душевных сил необходимо объединить под единым началом, поместить под контроль доминирующей железной воли. Во внутреннем пространстве должна быть выстроена строгая иерархия целей и ценностей, «вертикаль власти».

Определяющая существо великого человека черта – это, следовательно, «способность к продолжительной решимости» [2, т. 5, с. 137]. Великий человек «во всём своём действовании... руководствуется долговременной логикой, которая – именно ввиду её протяжённости – трудно обозрима и, следовательно, может вводить в заблуждение», он способен раскрыть потенциал благородного индивида и совершить то, что свободный ум может только помыслить [2, т. 11, с. 408]. Великие личности есть, в первую очередь, великие труженики, они усердно и неуклонно пробивают себе дорогу к осуществлению своих целей, и это делает их успешнее и плодотворнее более даровитых людей [2, т. 2, с. 134].

Наконец, этико-антропологическую иерархию Ницше венчает сверхчеловек: он знаменует собой окончательную победу над нигилизмом в самом его корне. Отрицание жизни, присущий реактивному индивиду отказ от борьбы и развития, в значительной мере проистекают из обобщения растянутого во времени негативного опыта, то есть, по сути, из противления ходу времени, его неуловимым «было», «есть» и «может быть». В «Так говорил Заратустра» Ницше называет это основополагающее настроение «духом мщенья», который пронизывает все человеческие институты, идеи и практики [2, т. 4, с. 146].

Нигилизм как отрицание жизни и уход от её задач может быть преодолен только в том случае, если жизнь со всем, что в ней есть, будет фунда-

ментально оправдана, поэтому Ницше провозглашает «любовь к судьбе» («*amor fati*») [2, т. 6, с. 222]. Необходимо «прорваться...», – пишет он, – к *дионисийскому приятию* мира как он есть, без изъятий, исключений и разбора» [2, т. 13, с. 445]. Это представляется возможным лишь в том случае, если мы не просто принимаем сущее таким, каково оно есть, но верифицируем своё тотальное Да-сказание (*Ja-sagen*), своё всеприятие в акте желания *вечного возвращения всех вещей*. Данная идея, одновременно широко известная и повсеместно не понимаемая, в действительности является категорическим императивом учения Ницше – это формальный закон моральности, императив чистого практического разума, скроенный как будто по кантовским чертежам. В довольно неуклюже переведённой, но точной по существу формулировке Делёза она гласит: «Воли того, чего ты волишь, так, чтобы при этом ты волил также и его вечного возвращения» [3, с. 154]. Поступок, вообще отношение к предмету является моральным только в том случае, если ты желаешь его вечного возвращения.

Именно по этой причине сверхчеловек и вечное возвращение выходят в пространство ницшевской философии рука об руку, становясь двумя главными темами «Так говорил Заратустра». То, что исследователи и рядовые читатели обыкновенно сосредотачивают своё внимание именно на (мета) физическом содержании вечного возвращения, является в корне ошибочным. При этом упускается, что она имела для Ницше подчёркнуто этический, воспитательный смысл, а несколько набросков, в которых он предпринимал попытки логического и научного доказательства вечного возвращения, носят по большей части побочный характер. Взаимосвязь названных концептов хорошо подчёркивает Томас Альтицер: «В конце концов Да-сказание и вечное возвращение тождественны: глубочайшее утверждение существования может означать только желание вечного возвращения всех вещей, любовь к этой жизни, этому моменту, этой боли и притом до такой степени, чтобы желать их вечно повторения, причем повторения именно такими же» [6, с. 245].

Сверхчеловек есть тот, кому удалось вышеперечисленное: он преодолел дух мщеничества как сущность человеческого. Нельзя не упомянуть, что заслуга прояснения, даже открытия подлинного смысла идеала сверхчеловека принадлежит Хайдеггеру [7, с. 138-139]. Впрочем, это никак не помешало основной массе более поздних толкователей проигнорировать его замечания и продолжить рассматривать сверхчеловека с примитивно количественного ракурса: как кого-то только лишь

здоровее, лучше, сильнее, свободнее человека. Сверхчеловек содержит по отношению к человеку принципиально новое качество, он, по словам Ницше, столь же отличается от человека, как сам человек от обезьяны [2, т. 10, с. 140]. По своей самой ёмкой формулировке сверхчеловек есть «римский цезарь с душой Христа», поскольку активное, устремленное, деятельное начало в нём невозможным доселе образом сочетается с всеприятием, полным отсутствием духа мщеничества в фигуре Христа [2, т. 11, с. 270].

Таким образом, Ницше отстаивает цивилизационную парадигму, в которой основным ориентиром будет возвышение, раскрытие высших возможностей человеческого вида. Её базовые ценности суть условия развития человека, вытекающие из его биолого-психологических особенностей и самой метафизики воли к власти. Они таковы: строгость и требовательность к себе, саморазвитие, творчество, познание, деятельность, (само)дисциплина, иерархия как тождество аристократии и меритократии (лучшие = наиболее достойные и способные = облечённые властью), доминирование целей культуры в обществе («культивирование» человека), политика и экономика исключительно как инструменты культуры, здоровье и тело (евгеника), красота, мужество, соперничество (агональность).

3

На важнейших из них мы ещё остановимся, а сейчас более важным представляется прояснить проблему реализуемости требований ницшевской этики. Она обусловлена двумя главными факторами: во-первых, историко-культурной координатой, а во-вторых – генетической базой. Несоответствие любого из них существу ницшевской переоценки ценностей не позволит ей завоевать и удержать господство, она не приживётся на чужеродной почве.

Что касается первого из них, с исторической точки зрения свою эпоху Ницше квалифицирует как благоприятствующую парадигматическому сдвигу: кризис старой системы, время относительного вакуума высших ценностей и морально-социальных экспериментов. Две крайние альтернативы, «два пути», возможные по итогам борьбы в XX и XXI вв., воплощены в образах-антагонистах, впервые появившихся в «Так говорил Заратустра»: последний человек и сверхчеловек [2, т. 12, с. 224]. В неоконченной черновой записи он характеризует своё время так: «опаснейшая середина, когда можно прийти к “последнему человеку”, но также и →» [2, т. 11, с. 487]. Эта «опаснейшая середина» часто именуется Ницше «великим полднем» не только из-за срединного положения этого исто-

рического часа, но и потому, что солнце познания достигает в полдень зенита, многотысячелетняя история человека и его место в мире становятся наконец прозрачны.

Новое Начало, за которое борется Ницше, все не предрешено, оно даже сомнительно – и всё-таки возможно, и за это «всё-таки» нужно бороться. Если мы окажемся не в состоянии построить всё сызнова, на новых основаниях, подчёркивает он, то историческая исчерпанность Нового времени, расплывшаяся по всем цивилизациям планеты, приведёт к неизбежному самоуничтожению человечества: разразится «нигилистическая катастрофа, кладущая конец земной культуре» [2, т. 12, с. 345].

Соответствия структуры генофонда задачам реформы представляется особенно сложно добиться, поскольку новый демократический европеец размяк и обрюзг, его воля слишком слаба, чтобы выдержать строгость ницшевской этики. Как же быть? Понятно, что культурно-мировоззренческие и тем более генетические трансформации не могут быть резкими. Это диктует необходимость использования спиралевидной, диалектической модели цивилизационной реформы. Первичный культурно-политический толчок вызывает первичный генетический сдвиг, они формируют базу, от которой отталкивается следующий импульс уже для более глубокого изменения. Так, шаг за шагом, виток за витком расширяется спираль, пока прогресс не замедлится, достигнув точки стабилизации социального устройства и мировоззренческих ориентиров. Возникает другой вопрос: кто будет управлять этим сложнейшим долгосрочным процессом? Для ответа на него Ницше формулирует свой пятый идеал – идеал философов будущего. Именно на совести этих людей, несущих «всестороннюю ответственность» за судьбы Нового Начала, будет лежать «общее развитие человека», а в конечном счёте создание нового, сверхчеловеческого вида [2, т. 5, с. 72; 2, т. 13, с. 206-207].

Всё указывает на то, что возникновение глашатаев и проводников нового миропорядка, которым Ницше отводит роль «властителей земли», в полной мере подчинено вышеуказанному закону: первые их поколения ещё не будут в полной мере соответствовать своему предназначению, они будут стоять одной ногой в прошлом [2, т. 11, с. 569]. Однако именно на их плечи ляжет тяжкое бремя наведения мостов между старым и новым, дело борьбы за власть, ибо ценности и порядки Нового Начала недостаточно сформулировать – их нужно ещё привести к господству. На этом пути пионерам практической переоценки ценностей, считает Ницше, непозволительно быть особенно щепетильны-

ми в выборе средств. В конце 1887 – начале 1888 гг. он делает набросок к неоконченному произведению с говорящим названием: «Как привести добродетель к господству. *Tractatus politicus*». Основным выводом этого фрагмента продолжает его давнее наблюдение: воцарение новой морали возможно лишь теми же средствами, что и всякая победа – а именно, неморальными. «Свобода от морали, свобода даже от правды, – пишет он, – ради той цели, что окупает любую жертву: ради господства морали» [2, т. 13, с. 24]. «Образцом совершенства» в области политики он провозглашает макиавеллизм, понимая под ним последовательный реализм в оценке инструментов, необходимых для достижения поставленных целей, и готовность к жёстким, но никоим образом не бессмысленно жестоким мерам [2, т. 13, с. 24].

Избежать их применения не представлялось Ницше возможным, поскольку преодоление сопротивления старой системы всегда сопровождается глубокими потрясениями и временным умножением совокупного несчастья. Он предостерегает философов будущего от излишнего мягкосердия: «вы подсчитываете счастье и при этом забываете о будущих поколениях» [2, т. 10, с. 475]. Словом, им придётся пожертвовать своим счастьем и «счастьем современников ради будущих людей. Спросите женщин, – продолжает он: рожают не потому, что это доставляет удовольствие» [2, т. 10, с. 475].

В описанной картине нетрудно увидеть идеал, выраженный Платоном в известном месте «Государства»: «Пока в государствах не будут царствовать философы, либо... нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия... до тех пор... государствам не избавиться от зол» (437 e-d). Под философами-властителями Ницше понимает приблизительно то же, что Платон, – это люди, которым открыта истина, способные мыслить свободно, последовательно и масштабно и планировать политику государства в долгосрочной перспективе, постоянно соотнося её с высшими ценностями. Его политическая теория действительно во многом продолжает греческие образцы, но в отличие от Платона Ницше намного детальнее осмысляет общественную роль философа-государя. Он выделяет у него следующие тесно взаимосвязанные функции-ипостаси: просветитель, законодатель, художник, врач, воспитатель.

1. Просветитель. Подобно многим мыслителям новейшего времени, Ницше констатирует провал проекта Просвещения. Он укоряет его в наивности, однобокости и поверхностности в трактовке при-

роды и человеческой психологии, зависимости от целого букета заблуждений прошлого и утопических планах по реорганизации общества на сугубо рациональных началах. Тем не менее, он ни в коем случае не отказывается от программной цели Просвещения – разрушения иллюзий, развития культуры критического мышления, синтеза накопленного исторического и научного опыта. «Новое Просвещение», как Ницше несколько раз именуется свою доктрину, является первой задачей философа будущего, которому предстоит не только освобождение ума, но и «осмысление всего пережитого», подготовка знания, «необходимого для управления землей» как единым целым [2, т. 12, с. 31; 2, т. 11, с. 164].

2. Законодатель. Как мы помним, Ницше отталкивается от идеи, что «главным средством, с помощью которого из человека можно вылепить всё, что будет угодно созидательной и глубокой воле, служат законодательные морали» [2, т. 11, с. 522]. Слово «законодательный» является здесь ключевым, ибо мораль, дабы лечь в основание нового типа личности и общества, должна быть претворена в закон. Ницше не вкладывает в понятие закона смысла юридической обязательности. Называя философов будущего «законодателями оценок», он подчёркивает императивность, властный характер всякой системы ценностей, которая жизнеспособна в том лишь случае, если твёрдо говорит: «так должно быть!» [2, т. 11, с. 550].

3. Распространяемое учение, и в первую очередь его этическое ядро, должно обрасти живой плотью, оно нуждается в эмоционально-образном наполнении, без которого идеи не найдут отклика в сердцах и не увлекут людей. Эту функцию выполняет философ-художник: он конструирует цельную картину мира, создаёт связный и живой образ прошлого, настоящего и будущего. Особенно важно подчеркнуть, что он не стремится в своей творческой деятельности, как мог бы учёный, непременно отразить некую «объективность» вещей. Ницшевский философ-художник сознаёт условность идеала объективности, помещая над ним идеал возвышения и совершенствования человеческого вида. Его творение выражает его субъективную волю, его представление об условиях развития жизни, которые могут как совпасть, так и не совпасть с тем, что кажется ему истиной. Таким образом, Ницше, подобно Платону и Макиавелли, даёт правящему сословию право на «святую ложь», на внушение и поддержание полезных мифов. Истина вовсе не представляется ему ценностью самой по себе, тем более верховной ценностью. Напротив, для большинства людей она опасна, нестерпима, вот почему они почти всегда инстинктивно на-

ходят способ укрыться от неё. Важно лишь одно: чтобы человек преодолел себя, и на этом пути моральное воздействие некоторых полезных заблуждений окажется намного эффективней суровых истин [2, т. 12, с. 192].

4. Четвёртую функцию, функцию врача Ницше ставит особенно высоко – и это не удивительно. Начиная с ранних работ, в рамках развивающейся концепции биологического детерминизма, он последовательно проводит идею о необходимости появления философов, которые положили бы конец многотысячелетнему пренебрежению вопросами развития человеческого рода, питания, гигиены, климата и прочими первостепенными жизненными условиями. Фундаментальный принцип проекта по переоценке ценностей таков: «преобладание физиологии над теологией, нравоучительством, экономикой и политикой» [2, т. 12, с. 393]. Основанная на нём «большая политика» стремится сделать так, чтобы физиология возобладала над всеми иными вопросами; она стремится создать власть, достаточно сильную, чтобы путём культивирования сделать из человечества нечто целое и более высокое...» [2, т. 13, с. 574]. Важнейшая роль при этом отдаётся именно профилактической стороне медицины, исторически самой неразвитой её части. Будучи сам очень нездоровым человеком и находясь в постоянных поисках средств оздоровления, Ницше имел возможность убедиться, как различные образы жизни, диеты, климатические условия сказываются на самочувствии и продуктивности даже в масштабе нескольких лет. Следует, однако, остерегаться понимать витализм Ницше упрощённо – он вовсе не считал поверхностно диагностируемое здоровье тела гарантией высокого умственного и духовного потенциала. Его видение здоровья является, по существу, предвосхищением данных современной генетики, признающей генетическую обусловленность интеллектуальных и иных возможностей индивида. Выражаясь её языком, здоровье в ницшевском понимании складывается из двух компонент, причём первая значительно важнее: 1) структуры индивидуального гено типа (или генофонда, если речь идёт о здоровье нации – человечества), которая обеспечивает эффективное самоосуществление воли к власти и работу всех функций организма; 2) совокупности не передаваемых по наследству свойств конкретного индивида, могущих обеспечить ту же цель.

5. Наконец, философ как воспитатель практически реализует проект по культивированию нового человеческого вида и социума, он пошагово руководит процессом привития новых взглядов, поведенческих привычек и общественных институтов.

Разобравшись с основными направлениями деятельности философов будущего, мы подходим к важнейшей и наиболее сложной части нашего анализа. Как должно быть устроено ницшевское государство? В традиции изучения наследия мыслителя этот вопрос либо полностью обходят стороной, либо считают соответствующие идеи Ницше «наивно волюнтаристским» и неразработанным, либо пытаются отделаться несколькими броскими ярлыками, наподобие: «авторитаризм», «аристократизм», «кастовое общество» и т.п. Материала по этой теме действительно немного, и он рассредоточен по всем текстам мыслителя, однако же его вовсе не так мало, как принято считать. Попробуем суммировать имеющиеся у нас сведения.

Общество Нового Начала обладает иерархической, сословной структурой, а высшие должности избираются аристократическим сообществом. Мысль, что во главе государства должны находиться наиболее одарённые люди, чьи задатки соразмерны сложности задач управления, со времён юности кажется Ницше не подлежащей сомнению. Это не должен быть монарх, наследующий власть, или тиран, взявший её силой: такое правление произвольно, оно лишено каких-либо гарантий соответствия личности и бремени власти. Власть, таким образом, должна получить на индивидуальную санкцию, а такую может дать лишь институт выборности высших должностей *inter pares*, между приблизительно равными членами сословия аристократов (меритократов). Ницше считает смешной и, конечно, нигилистической идею демократических выборов, постулирующую, что сумма индивидуальных невежеств простых людей волшебным образом преобразуется в коллективную мудрость [2, т. 11, с. 71]. Только высшее сословие обладает природным правом руководить, оно есть по определению носитель активного, творческого начала, в то время как массы, низшее сословие склонно к реактивности и есть по преимуществу реципиент власти. Как справедливо указывает А. Лингис, только власть аристократа (в ницшевском понимании) – в отличие от власти социальной, политической или военной – коренится в самой личности, а не «в роли, которую индивид играет в том или ином институциональном аппарате» [8, с. 52]. Процесс формирования этой страты, однако, никак не описан. Судя по всему, положить начало процедурам отбора, как и социальным институтам, суждено первому поколению философов будущего.

Но будут ли эти люди, руководимые своей индивидуальной волей к власти, принимать в расчёт общественный интерес? Распространённое и оши-

бочное мнение гласит: конечно же, нет, ницшевский индивид принципиально эгоистичен, для него существует лишь личный закон, а «государство для Ницше есть, по существу, инструмент власти для любого, у кого достаточно сил, чтобы взять его под контроль» [9, с. 148]. При этом упускается, что человек, являясь носителем индивидуальной воли к власти, по своей природе абсолютно «эгоистичной», реализует её наиболее полно именно тогда, когда она покидает пределы индивидуальных выгод и устремлений и ставит своей задачей преобразовать общество, сам мир. Творчество, даже самопожертвование, учит Ницше, есть предельно «эгоистичные» акты, которые тем не менее могут показаться «бескорыстными» недостаточно прозорливым [2, т. 5, с. 145]. Правящее сословие Нового Начала, таким образом, исходит из соображений общественной пользы, совпадающей и с его глубочайшими надеждами и интересами. Ницше недвусмысленно обращает на это внимание: «Надо стараться судить по объективным ценностям. Является ли таковой общественная “польза”? Да» [2, т. 12, с. 208].

Общество Нового Начала характеризуется отсутствием сословно-классовых антагонизмов. Хотя Ницше иногда употребляет понятие «каста» применительно к правящей элите будущего, он не вкладывает в него принятого сегодня терминологического значения. Ницшевские «касты» суть сословия, они открыты для притока крови из других страт, а само общество характеризуется свободной вертикальной взаимообратной мобильностью: аристократия может и должна пополняться из тела всего народа, она является не поставленным над ним ярмом, а высшим его выражением. «...Имеется место обмен членами между обеими кастами, – пишет Ницше, – так что более тупые, менее одухотворенные семьи и личности из высшей касты перемещаются в низшую, и, наоборот, более свободные личности низшей касты получают доступ в высшую...» [2, т. 2, с. 262-263].

Философ считает возможным добиться отсутствия сословно-классового антагонизма в довольно строго иерархическом обществе. «Основная позиция: разверзать дистанции, но не создавать противоречий», – пишет он [2, т. 12, с. 445]. К этим словам стоит отнестись со всей возможной серьёзностью, поскольку в них выражен основополагающий постулат социального устройства Нового Начала. Задача избежать острых социальных противоречий кажется вполне выполнимой в рамках ницшевской концепции, поскольку положение высшего правящего сословия не влечёт за собой концентрацию богатств. Некоторый аскетизм и простота являются не каким-то внешним и слу-

чайным определением аристократа, это одно из его неотъемлемых свойств, свидетельствующее о доминировании самореализации через саморазвитие и творчество, в том числе социальное. Таким образом, ни кастовым, ни классовым противоречиям негде развернуться. Что касается сословных, то есть факта облечённости властью и привилегированности аристократии, их можно сгладить, воспитывая определённую культуру мышления, видение правящего сословия как высшего выражения народа, а не его антагониста. В этой связи становится очевидна несправедливость укоров многих исследователей, будто высшее сословие обречено на полицейско-тираническое правление, поскольку у Ницше отсутствует представление о том, как его легитимировать. Так, К. Анселл-Пирсон пишет: «...представляется сложным увидеть, как ницшевские аристократы могут осуществлять власть, не прибегая к высшей степени репрессивным методам политического контроля и манипуляции», безжалостному подавлению [10, с. 155].

С другой стороны, хотя Ницше неоднократно положительно оценивает историческую роль института рабства и считает его предпосылкой высшей культуры, понимать это буквально и на чересчур современный лад, как и понятия «каста» и «раса», является грубой ошибкой. Пьер Клоссовски подчёркивает: «“Аристократизм” Ницше не имеет ничего общего с ностальгией по ушедшим в прошлое иерархиям, равно как для осуществления аристократического правления он не апеллирует к устаревшим экономическим условиям» [11, с. 150]. И хотя слова Клоссовски об отсутствии у Ницше ностальгии по былым иерархиям неверны, представление о низшем сословии философ действительно не связывает с практикой принудительности, жестокой эксплуатации или угнетения. Низшее сословие составляет основу общества Нового Начала и должно быть «консолидированным, крепким и здоровым» [2, т. 6, с. 175]. Положение его члена ни в коей мере не влечёт за собой униженности, лишений или несчастья. Напротив, именно аскетичная по своей природе правящая элита занята подлинным служением и подвержена как наибольшим страданиям и тяготам, так и интенсивнее всего способна переживать счастье.

Мы вновь видим древнюю концепцию «каждый на своём месте», в которой Ницше видит гарантию как личного счастья индивида, так и оптимума общественной полезности. «Для посредственности, – подчёркивает он, – быть посредственностью счастье; быть мастером в чём-то одном, быть специалистом – к этому влечёт природный инстинкт. Совершенно недостойно сколько-нибудь глубоко

кого ума видеть в посредственности как таковой некий упрёк. Посредственность сама по себе есть первое условие того, чтобы существовали исключения, – посредственностью обусловлена культура в её высоком развитии. Исключительный человек более чутко и нежно обходится с посредственными, нежели с собой и себе подобными, и это не просто деликатность, – это долг...» [2, т. 6, с. 175].

Общество Нового Начала является полиэтническим, многонациональным, в нём отсутствует какая-либо дискриминация по расовым или этническим признакам. «Для человека, для души низость – терпимо относиться к национальной ненависти (а тем более – ею восхищаться и возвеличивать её)», – подчёркивает Ницше [2, т. 12, с. 285]. Он провозглашает необходимость беспрепятственной циркуляции крови не только между уровнями общественной иерархии, но и между этническими общностями. В этом он видит залог совершенствования человеческого рода, призывая «стремиться к полноте природы посредством спаривания противоположностей... смешивания рас» [2, т. 11, с. 71]. Соединение разнородного генетического материала позволяет увеличить богатство генофонда и оказывает на его структуру положительное дестабилизирующее воздействие, стимулируя развитие в долгосрочной перспективе. Политика же против расово-этнических предубеждений и дискриминации, в свою очередь, постепенно сглаживает и нейтрализует один из главных фронтов контрпродуктивной социальной напряжённости и борьбы.

Общество Нового Начала характеризуется приданием особого статуса «физиологии» (медицине и евгенике), образованию, науке. В противовес новоевропейским государствам, ницшевское провозглашает себя проводником культуры и инструментом культивирования нового человека, подчиняя этим целям экономические и политические вопросы. Подобная установка делает невозможной неолиберальную концепцию, отдающую медицину, образование и даже науку на откуп рыночным механизмам и коммерциализации. Выражаясь экономическим языком, в теории управления Нового Начала они рассматриваются не как часть сферы услуг, а как щедро финансируемые государством базовые направления производства средств производства. Образование в этой системе, однако, носит совсем не демократический характер, поскольку лишь наиболее одарённые, попавшие в высшее сословие, будут иметь доступ к некоторым областям знания и, нужно полагать, определённым учебным заведениям. Вне всяких сомнений и то, что если бы Ницше застал эпоху становления СМИ четвёртой властью, он счёл бы

необходимым поставить масс-медиа под государственный контроль – опять же, как мощное средство воспитания и трансформации сознания, которое было бы неразумно отдавать во владение рынка и частных интересов. Логика ницшевской философии требует, чтобы СМИ служили программным целям Нового Начала.

Общество Нового Начала, основываясь на строгой идеологической системе, вместе с тем является мультикультурным и плюралистическим. На первый взгляд, буква и дух ницшевского мышления слишком однозначны, слишком воинственны и безапелляционны, чтобы позволить обосноваться в своём идеальном обществе противоположным или хотя бы отличающимся формам жизни. Однако отношение Ницше к нигилистическим феноменам, а с некоторыми оговорками и к «иному» вообще, куда сложнее. Лучше всего его можно проиллюстрировать позицией философа по поводу христианства, столь страстно и едко им критикуемого: «Я объявил войну бледной немочи христианского идеала (и всему тому, что ему близкородственно) не с намерением его уничтожить, а только чтобы положить конец его тиранству и расчистить место для новых идеалов, для идеалов более крепких...» [2, т. 12, с. 470]. В другом месте он пишет: «Сам по себе декаданс – это вовсе не то, с чем надо бороться: он абсолютно необходим и свойствен любой эпохе и любому народу. С чем надо бороться всеми силами, так это с расплыванием заразы по здоровым частям организма» [2, т. 13, с. 388]. Ницше понимает, что болезнь, всякого рода скверна есть неотъемлемый элемент общественного целого, её нужно не искоренить, а лишить доминирующей позиции. С другой стороны, он приветствует и многообразие форм «здоровья», появление множества человеческих и сверхчеловеческих типов, видя в их разнообразии условие развития [2, т. 11, с. 434, 487]. Важно одно: чтобы преобладала идеология, построенная на метафизических принципах утверждения и активности, толкающая людей вверх, пускай и по разным траекториям.

Мировоззрение Нового Начала, таким образом, пестует разнообразие, плюрализм, свободу, однако они должны исходить из единой здоровой основы, а побочные нигилистические элементы хоть и не преследуются, но лишены прав на ведущие роли.

Человек должен быть свободен, но Ницше, придерживающийся в этом отношении золотой середины, полагает, что этой свободе должна быть дана точная мера: и слишком большое, и слишком малое её количество несовместимы с разумным государственным устройством. Либеральные демократии дают индивиду чересчур большую волю, что постепенно разрушает социальность,

подрывает иерархию и коллективное целеполагание (именно поэтому, выражаясь языком Зигмунта Баумана, ныне канули в лету «большие проекты»). Социализм и некоторые авторитарные общества, напротив, чрезмерно ослабляют и ограничивают индивида, препятствуя его развитию и подрывая тем самым изначальную цель государства.

Общество Нового Начала стремится к тому, чтобы охватить всю Землю, оно глобально по своим устремлениям. «Неотвратимо, медленно и страшно, как судьба, приближается великая задача и вопрос: как должна управляться земля в целом?», – вопрошает Ницше [2, т. 11, с. 522]. Грядущее политическое мышление, которое поместит в фокус данную проблему, а не узкие местные интересы, он именует «большой политикой». Положить начало её реализации, скорее всего, предстоит Европе: объединившись сама, она постепенно консолидирует вокруг себя или поглотит и другие государства, что в конечном счёте может привести к возникновению глобального аристократического социума. Величайшие люди XIX столетия уже видели в её объединении и прекрасную возможность, и цель. Вслед за ними, но с куда большими амбициями, Ницше призывает «создать из Европы... политическое и экономическое единство в целях всемирного правления» [2, т. 6, с. 271]. Важнейшей предпосылкой этого он называет «значительный, многое объясняющий экономический факт: мелкие государства Европы, я имею в виду все наши нынешние державы и “империи”, в условиях безусловно нарастающего стремления обширного общения и торговли к последней границе, к мировому сообществу и мировой торговле, в недалеком будущем должны утратить экономическую прочность» [2, т. 11, с. 524-525]. Возникновение единой мировой экономики и централизованное управление ей Ницше называет «неминуемым» [2, т. 12, с. 419].

5

Рассмотренный нами проект глобального общества вовсе не является оторванной от всякой реальности утопией, которые философы всех времён так любили строить. Делая упор на снятие структурных противоречий новейшего времени, он отвечает сразу на целый ряд его запросов и берёт начало в осмыслении его базовых проблем. В первую очередь это касается присущей постиндустриальному обществу логики глобализации: современная экономика и в особенности финансовая система не способны поместиться в национальные или даже региональные рамки – они глобальны де-факто. Глобализация в политической сфере находит выражение в образовании Европейского

союза, развитии всемирных наднациональных организаций, распространении западной политической культуры, оказывающей воздействие даже на самые нелиберальные режимы, и в попытках осуществления глобального политического контроля за соблюдением прав человека. В сфере культуры данные процессы и вовсе очевидны: не только европейские, но и африканские, южноамериканские, азиатские и арабские страны уже почти столетие находятся под мощнейшим унифицирующим влиянием, формируя глобальную систему культурных кодов: СМИ, литература, кинематограф, музыка, программное обеспечение, видеоигры, этические и эстетические ценности и т.д. Наконец, начиная со второй половины XX в. человечество столкнулось с феноменом глобальных военных (ядерных), экологических и экономических проблем, которые складываются в мировом масштабе, затрагивают всех и решаться могут тоже лишь совокупными усилиями множества государств.

Приведут ли эти предпосылки к всемирной консолидации и если да, то когда и в каких формах, разумеется, сказать нельзя. Ницше также не считал тот или другой исторический сценарий предопределённым, однако кое-какие прогнозы с большой уверенностью и, как мы сейчас можем судить, с удивительной точностью он всё же делал. Прежде всего, ему казалось несомненным, что двадцатое столетие станет ареной величайших войн. «У нас будут потрясения... какие никогда и не снились, – пишет он. Понятие политики целиком растворится в войне идей, все институты власти старого общества взлетят на воздух – они все покоятся на лжи: будут войны, каких ещё не бывало на земле» [2, т. 6, с. 277-278]. Увиденную им «войну идей», вступивших в борьбу ради «господства над всем земным шаром», можно соотнести с противостоянием трёх суперидеологий XX века: коммунизма, фашизма и неолиберализма [2, т. 5, с. 131].

Что касается первой из них, коммунизма, то Ницше, в сущности, предсказал как возникновение огромного социалистического лагеря, так и его нежизнеспособность, проигрыш в глобальной борьбе по итогам грядущего столетия и громадное число человеческих жертв, положенных на алтарь этого эксперимента: «Мне в самом деле хотелось бы, чтобы благодаря нескольким крупным опытам было доказано: в социалистическом обществе жизнь сама отрицает себя, сама обрушает свои корни. Земля достаточно велика, а человек всё ещё достаточно неисчерпаем, – поэтому практическая наука такого рода и *demonstratio ad absurdum*, даже если за это придется заплатить громадным количеством человеческих жизней, кажутся мне желательными.

И всё же социализм, как беспокойный червь под основанием скатывающегося в глупость общества, сможет быть полезным и благотворным: он задерживает наступление «мира на земле», замедляет процесс полного растворения демократического стадного животного в благодушии, заставляет европейцев сохранять присутствие духа, а точнее, хитрости и осторожности, не отрекаться полностью от мужских и воинственных добродетелей и сохранять остаток ума, ясности, сухости и холодности духа, – он до поры до времени предохраняет Европу от грозящего ей *marasmus femininus*» [2, т. 11, с. 527-528]. Появление фашистских держав и скатывание в фашизм Германии также было предугадано философом, с брезгливостью наблюдавшим за энергично работающей в Европе «мельницей национализма и расовой ненависти» и близоруким, воинственным «ура-патриотизмом» [2, т. 3, с. 575-576]. Наконец, от Ницше не укрылось и появление общества потребления, превращающего человека в экономическую функцию, ослабление творческих инстинктов индивида и его низведение до самого поверхностного материального уровня, «гедонистического цинизма», что зачастую ассоциировал с англо-американским воздействием.

Подводя итог, можно сказать, что с точки зрения Ницше, XX и XXI вв. пройдут в кровавых столкновениях на мировом уровне, и эта ожесточённая борьба за власть будет причудливо сочетаться и чередоваться с угасанием жизненной силы человека, его пассивизацией. Чем окончится эта схватка, возникнет ли Новое Начало – неясно, это зависит от того, придут ли философы будущего и удастся ли им сосредоточить в своих руках власть. Тем не менее возможны события, которые могут приблизить его. Как и Хайдеггер впоследствии, Ницше возлагает большие надежды на слияние или, по крайней мере, сотрудничество германского и славянского начал в борьбе против американизма, англосаксонского варианта реактивного нигилизма: «Мы нуждаемся в обязательных совместных действиях с Россией и в новой совместной программе, которая не позволит английской псевдосущности прийти к господству в России. Никакого американского будущего!» [2, т. 11, с. 222]. «Я не исключаю, – пишет он далее, – что земля окажется под властью германо-славянского правительства», а основной фронт борьбы развернется против США [2, т. 11, с. 413]. Германию и Россию он видит странами послезавтрашнего дня. И именно в этот послезавтрашний день, под которым Ницше, судя по всему, понимает вторую половину XXI-XXII вв., сформируются условия для становления общества Нового Начала, поставив человечество перед великим выбором [2, т. 10, с. 163].

Список литературы:

1. Conway D.W. Nietzsche & the Political (Thinking the Political). L., N.Y.: Routledge, 1997.
2. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2005-2014.
3. Делёз Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003.
4. Жижек С. Славой Жижек о брендах, видеоиграх и изнанке коммунизма: интервью // Look at Me: сетевой журнал. 08.04.2014. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/191353-slavoj-zizek> (дата обращения: 14.04.2015)
5. Цендровский О.Ю. Аристократический идеал философии Ницше // Вестник РХГА. 2015. № 1. С. 46-55.
6. Altizer T.J. Eternal Recurrence and Kingdom of God // The New Nietzsche: Contemporary Styles of Interpretation. N.Y., 1977.
7. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Академический проект, 2010.
8. Lingis A. The Will to Power // The New Nietzsche: Contemporary Styles of Interpretation. N.Y.: Dell Pub., 1977. P. 37-64.
9. Dombowsky D. Nietzsche's Machiavellian Politics. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004.
10. Ansell-Pearson K. An Introduction to Nietzsche as a Political Thinker: The Perfect Nihilist. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
11. Klossowski P. Nietzsche and the Vicious Circle. Chicago: Chicago Press, 1998.
12. Мочкин А.Н. Лабиринт нигилистической революции Ф. Ницше // Философия и культура. 2013. № 6. С. 766-775.
13. Цендровский О.Ю. Рим против Иудеи: ницшевская трактовка истории и генеалогии христианства // Философия и культура. 2014. № 10. С. 1478-1487.
14. Цендровский О.Ю. Философия Антуана де Сент-Экзюпери: опыт реконструкции // Litera. 2013. № 4. С. 1-33. URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_10651.html.
15. Fink E. Nietzsche's Philosophy. L., N.Y.: Continuum, 2003.

References (transliterated):

1. Conway D.W. Nietzsche & the Political (Thinking the Political). L., N.Y.: Routledge, 1997.
2. Nitsche F. Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2005-2014.
3. Delez Zh. Nitsche i filosofiya. M.: Ad Marginem, 2003.
4. Zhizhek S. Slavoi Zhizhek o brendakh, videoigrakh i iznanke kommunizma: interv'yuu // Look at Me: setevoi zhurnal. 08.04.2014. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/191353-slavoj-zizek> (data obrashcheniya: 14.04.2015)
5. Tsendrovskii O.Yu. Aristokraticheskii ideal filosofii Nitsshe // Vestnik RKhGA. 2015. № 1. S. 46-55.
6. Altizer T.J. Eternal Recurrence and Kingdom of God // The New Nietzsche: Contemporary Styles of Interpretation. N.Y., 1977.
7. Khaidegger M. Chto zovetsya myshleniem? M.: Akademicheskii proekt, 2010.
8. Lingis A. The Will to Power // The New Nietzsche: Contemporary Styles of Interpretation. N.Y.: Dell Pub., 1977. P. 37-64.
9. Dombowsky D. Nietzsche's Machiavellian Politics. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004.
10. Ansell-Pearson K. An Introduction to Nietzsche as a Political Thinker: The Perfect Nihilist. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
11. Klossowski P. Nietzsche and the Vicious Circle. Chicago: Chicago Press, 1998.
12. Mochkin A.N. Labirint nigilisticheskoi revolyutsii F. Nitshe // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 6. S. 766-775.
13. Tsendrovskii O.Yu. Rim protiv Iudei: nitshevskaya traktovka istorii i genealogii khristianstva // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 10. S. 1478-1487.
14. Tsendrovskii O.Yu. Filosofiya Antuana de Sent-Ekzyuperi: opyt rekonstruktсии // Litera. 2013. № 4. S. 1-33. URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_10651.html.
15. Fink E. Nietzsche's Philosophy. L., N.Y.: Continuum, 2003.